

Н.Л.Корсакова

КУБИНСКИЙ КРИЗИС 1962 г.
ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ДИПЛОМАТА
(ПОСОЛ ФРАНЦИИ В МОСКВЕ МОРИС ДЕЖАН)

Одной из самых значительных фигур французского дипломатического мира при де Голле был Морис Дежан.

Морис Эрнест Наполеон Дежан родился 30 сентября 1899 г. в Клиши (деп. Сена). Окончив гуманитарный факультет Сорбонны, он в 1926 г. поступил на службу в МИД Франции. В 1930—1939 гг. был заведующим отделом печати французского посольства в Берлине, помощником директора, и до июля 1940 директором кабинета министра иностранных дел Поля Рейно (1939—июль 1940)¹.

Дальнейшее продвижение Дежана по службе связано с трагическим периодом в истории Франции — годами немецкой оккупации. Когда после капитуляции власть в стране перешла к правительству Виши, почти весь дипломатический корпус признал его и игнорировал движение «Свободная Франция», возникшее весной 1940 г. и руководимое из Англии де Голлем. Внешними сношениями этого движения поначалу занимались люди, ранее не имевшие дела с дипломатией, или примкнувшие к де Голлю малоизвестные тогда дипломаты. Поэтому де Голль высоко ценил сотрудничество Дежана, уже имевшего дипломатический опыт. В своих мемуарах он пишет об этом времени: «В Лондоне окрепло наше центральное руководство, основу которого составляли даровитые люди...» Среди десятка фамилий, перечисленных де Голлем, есть и Дежан². Он был назначен сначала помощником директора, а затем директором по политическим вопросам в комитете «Свободная Франция» (февраль—сентябрь 1941)³. 24 сентября 1941 г. де Голль подписал декреты о новой организации государственной власти Свободной Франции и о создании Национального Комитета, назначив Дежана национальным комиссаром по иностранным делам⁴. Дежан установил контакт с послом СССР при союзных правительствах в Англии А.Е.Богомоловым и познакомил его с де Голлем⁵. Получив информацию о разрыве дипломатических отношений правительства Виши с Москвой, де Голль в начале сентября 1941 г. поручил Дежану начать секретные переговоры с послом СССР в Англии И.И.Майским. 26 сентября Майский уведомил де Голля о том, что Советское правительство «признает вас как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились, которые сплотились вокруг вас, поддерживая дело союзников»⁶. Пост национального комиссара по иностранным делам Дежан занимал до октября 1942 г. К этому времени возникли резкие разногласия

между де Голлем и Черчиллем по вопросам политики на Ближнем Востоке. Рассказывая впоследствии об этом периоде, де Голль писал в своих мемуарах: «Форин Офис сконцентрировал свой нажим на Морисе Дежане и так настойчиво орудовал пугалом разрыва — высший способ устрашения дипломатов, — что Морис Дежан под впечатлением всего этого предложил подумать, какие мы могли бы сделать уступки, дабы восстановить добрые отношения. Уступки? Но я не хотел никаких уступок. Тогда Дежан покинул свой пост. Он сделал этот шаг с большим достоинством...»⁷. С 1 января по 8 августа 1943 г. Дежан занимал должность дипломатического советника по иностранным делам Французского Национального Комитета⁸. Декретом от 3 июня 1943 ему был присвоен ранг полномочного министра, и он стал представителем ФНК при союзных правительствах в Лондоне⁹.

В октябре 1944, после освобождения Франции Дежан занял пост генерального директора по политическим вопросам МИД, на котором находился до декабря 1945 г.¹⁰ Французский дипломат входил в состав делегации, возглавляемой де Голлем (в то время председателем Временного правительства), которая прибыла в Россию в конце 1944 г. для переговоров со Сталиным и заключения союзнического договора¹¹. Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией был подписан 10 декабря 1944 г.¹² 2 ноября 1945 г. Дежану был присвоен самый высокий дипломатический ранг — посла Франции, который был тогда и остается по сей день привилегией весьма ограниченного числа лиц. В 1945—1949 гг. он чрезвычайный и полномочный посол в Чехословакии, с 1949 по 1950 г. — представитель Франции в Международной комиссии по Руру, в 1950—1952 гг. — глава французской миссии при объединенном Верховном совете союзников на Дальнем Востоке. В 1952—1953 гг. — посол Франции в Японии, в 1953—1954 гг. — генеральный комиссар Франции в Индокитае. В 1954 г. Дежан был назначен дипломатическим советником французского правительства. К этому времени он — кавалер ордена Почетного легиона трех степеней (I — 1936 г., II — 1946 г., III — 1951 г.)¹³.

В послевоенный период контакты между Францией и СССР были, по выражению французского министра иностранных дел Кув де Мюрвилля, «редкими и сдержанными». «Единственный раз во время IV республики, — писал он в своих мемуарах, — председатель Совета министров Ги Молле в 1956 г. посетил Кремль, но его визит не имел никаких результатов и не изменил характера отношений»¹⁴.

Вскоре после смерти Сталина, с приходом к власти Хрущева и переменами во внешней политике СССР французское правительство решило направить в Москву в качестве посла одного из самых опытных дипломатов, остановив выбор на Дежане. Он пробыл на этом посту почти весь период правления Хрущева — с декабря 1955 г. по май 1964 г.¹⁵ Особое значение эта миссия обрела с конца 50-х гг., когда президентом Франции стал генерал де Голль. Время нахождения Дежана на посту посла в Москве совпало с периодом серьезных международных кризисов — Суэцкого 1956 г., Берлинского 1961 г. и Кубинского 1962 г. Данная статья не ставит целью изучение донесений дипломата за все время его пребывания на посту посла в СССР. Поскольку автор этих строк получил возможность ознакомиться с документами МИД Франции, относящимися к Кубинскому кризису¹⁶, речь и пойдет, главным образом, о дипломатической деятельности Дежана в этот период.

В течение длительного времени в дипломатических кругах крупнейших столиц мира обсуждался вопрос о том, что из себя представляют отношения между Кубой и Советском Союзом. Этот вопрос непосредственно связывался с кубинской революцией 1959 г., и Вашингтон проявлял озабоченность, как бы Куба не стала советским сателлитом. В составленной в конце ноября 1962 г. пространной записке о происхождении и итогах Кубинского кризиса Дежан неслучайно начал свое изложение с этого периода¹⁷.

Одним из важных этапов в становлении новых отношений между Кубой и СССР был визит кубинского министра революционных вооруженных сил Рауля Кастро в Москву в июле 1960 г. Хотя сообщения прессы о визите Р.Кастро носили скупой характер, посол Франции, анализируя состав участников торжественного приема, данного в честь Р.Кастро в Кремле, пришел к выводу, что обсуждались «вопросы экономической помощи, вероятно, также помощи военной, по крайней мере в виде поставок вооружения»¹⁸, что впоследствии полностью подтвердилось.

По мере нарастания напряженности между Кубой и США советское руководство занимало все более жесткую позицию по отношению к США. Хрущев в своем выступлении перед съездом учителей 9 июня 1960 г. заявил, что в случае нападения на Кубу Советский Союз не остановится перед применением ядерного оружия. Анализируя позднее решение СССР разместить ракеты на Кубе, Дежан предположил, что это заявление Хрущева было продиктовано, помимо всего прочего, желанием начать кампанию подготовки общественного мнения к радикальным решениям советского правительства¹⁹.

В ноябре 1960 г. в Москву прибыл с визитом один из лидеров кубинской революции Эрнесто Че Гевара. Он вел переговоры с советскими руководителями и, комментируя заявление Хрущева о готовности защитить кубинскую революцию, заявил, что «оно символизирует отпор преступным империалистам»²⁰. Это заявление привлекло внимание французского посла. Он подробно информировал Париж о пребывании Гевары в Москве, а также о планах последнего посетить Китай²¹.

Во время торжественного приема в Кубинском посольстве 2 января 1961 г. по случаю годовщины Кубинской революции Хрущев выступил с речью, в которой предостерег от нападения на Кубу и повторил свою угрозу применить ракеты в случае американской агрессии. Французский посол обратил внимание на то, что Хрущев, опровергая сообщения американских газет о помощи СССР Кубе, заявил, что «техника, которой мы располагаем, позволяет нам в случае необходимости нанести молниеносный удар по любой точке земного шара»²². Сообщение Дежана по этому поводу было получено в Париже в конце дня 3 января, а на следующий день, 4 января, США заявили о разрыве дипломатических отношений с Кубой. Посол Франции в США Эрве Альфан в своей телеграмме в Париж назвал этот акт «последним крупным решением президента Эйзенхауэра» и вообще — «самой серьезной акцией, которая была предпринята во внешней политике в течение всех 8 лет его пребывания в Белом доме»²³.

Разрыв отношений с Кубой вызвал резкую реакцию в советской прессе, что и было отмечено в донесениях Дежана, прокомментировавшего наиболее важные публикации советских газет²⁴.

С приходом к власти новой администрации Кеннеди в январе 1961 г. отношения с Кубой продолжали ухудшаться. 17—20 апреля 1961 г. на Кубу

были высажены отряды кубинских контрреволюционеров в Заливе Свиней (Плая Хирон). Как известно, эта попытка интервенции окончилась провалом. И Советское правительство выступило с резкой нотой протеста, адресованной правительству США, предупредив, что СССР окажет Кубе необходимую помощь в отражении вооруженной агрессии контрреволюционных сил. Повторив, что не остановится перед применением ядерных ракет. Касаясь причин кубинского кризиса, Дежан позднее писал, что заявление Хрущева было следующим шагом, призванным подготовить общественное мнение, после первого аналогичного выступления на съезде учителей 9 июня 1960 г.²⁵ Посольство Франции в Москве не замедлило отметить, что послание Хрущева Кеннеди подвергло действия США серьезной критике, назвав эти действия «провалом»²⁶.

В начале 1962 г. Дежан сообщил, что, по мнению американского посольства, интерес советских властей к кубинским делам носит в значительной степени формальный характер. В подтверждение этой мысли посол отмечал, что в советской прессе осталось почти без комментариев заявление Кастро о его приверженности марксизму. Он обращал также внимание Кэ д'Орсэ на то, что в поздравлении Хрущева по поводу годовщины Кубинской революции использовалось выражение «дорогие друзья», а не «товарищи». По мнению Дежана, СССР оказывал Кубе поддержку в основном на словах, а не на деле²⁷. В этом, как показало ближайшее будущее, он заблуждался, так как уже к этому времени Советский Союз начал массированные военные поставки на Кубу.

Оценивая перспективы развития советско-кубинских отношений, Дежан справедливо обратил внимание на сближение между Кубой и КНР и отмечал «любопытный», с его точки зрения, вопрос, который был задан Д.Кеннеди во время интервью А.И.Аджубеем, «как считает президент, эволюционирует ли Кастро подобно Мао или подобно Тито?»²⁸

Во второй половине февраля 1962 г. появились новые признаки обострения кубино-американских отношений, и «Правда» выступила с очередным заявлением о том, что в случае нападения США на Кубу СССР окажет ей поддержку²⁹. Вслед за тем кубинское правительство опубликовало собственное заявление с осуждением «агрессивной политики США по отношению к Кубе», которое было перепечатано на первой странице «Правды» 26 февраля³⁰. Эти заявления были, по мнению Дежана, с одной стороны, предупреждением США, а с другой — «новым свидетельством желания СССР малой ценой поддержать свой престиж в глазах третьего мира, а также ответить на обвинения со стороны Китая в слабости по отношению к империализму». Вместе с тем он находил, что реакция СССР на действия США в Южном Вьетнаме, против которых горячо протестовало правительство Пекина, существенно отличалась от поведения в кубинском вопросе. «Пылкое заявление СССР по кубинскому вопросу выглядит некоей компенсацией по сравнению с умеренностью в отношении событий в Юго-Восточной Азии», — писал он³¹.

В июне 1962 г. советское руководство приняло решение о проведении крупномасштабной военной операции по доставке ядерных ракет на Кубу. Эта операция, закодированная под названием «Анадырь», проводилась в условиях строжайшей секретности³². Кубинские представители предлагали заключить военный договор о поставке ракет и предать его гласности. Но Хрущев

отклонил это предложение на том основании, что в таком случае американцы помешают доставке ракет. Вместе с тем в конце июля он заявил, что собирается в Нью-Йорк на сессию Генеральной ассамблеи ООН для встречи с президентом Кеннеди. Дежан немедленно сообщил в Париж о предполагаемой поездке Хрущева в США³³.

Впоследствии стало известно, что Хрущев собирался посетить США после того, как ракеты будут размещены на Кубе, и поставить Кеннеди перед лицом свершившегося факта. Затем он планировал отправиться в Гавану и подписать с Кастро военный договор. Но в июле 1962 г. об этом знали только Хрущев и его ближайшее окружение³⁴. Тем не менее сам по себе факт, что Хрущев собирался в Америку для встречи с Кеннеди, имел первостепенное значение, почему Дежан и поспешил информировать об этом Кэ д'Орсэ³⁵.

5 сентября Дежан обратил внимание французского правительства на то, что «3 сентября впервые в сообщениях прессы» публично объявлено, что Советский Союз «отправлял военные материалы в сопровождении инструкторов». Посол считал, что усиление советского военного присутствия на Кубе связано «с желанием оказать давление на США, для того чтобы добиться уступок в вопросе о Берлине». В другой телеграмме Дежан также подчеркивал связь кубинского вопроса с положением в Западном Берлине, предполагая, что советское правительство намерено в ближайшее время решить вопрос о Западном Берлине и заключить мирный договор с ГДР. «Что касается Кубы, — писал он, — то с ней связан целый комплекс международных проблем»³⁶. Французский дипломат полагал, что посылка вооружений и инструкторов на Кубу увязывалась советским руководством с политикой США в Южном Вьетнаме, Турции, Иране, а также Берлине. «В общем, помощь Кубе, — писал он, — используется как антиамериканское средство для того, чтобы поставить Соединенные Штаты в трудное положение по всем этим проблемам»³⁷. Следует отметить, что не только Дежан, но и в целом внешнеполитическое ведомство Франции, как, впрочем, и других западных стран, увязывали кубинский вопрос с решением европейских проблем, прежде всего германской, и вопросом о Берлине³⁸.

В связи с увеличившимся потоком грузов, направлявшихся в Гавану, в Америке участились выступления в печати и конгрессе, в которых выражалась тревога по поводу растущих военных поставок на Кубу. В связи с этим советское правительство поручило ТАСС выступить 11 сентября с заявлением, в котором утверждалось, что СССР не намерен поставлять на Кубу наступательного оружия, а посылает лишь необходимые оборонительные средства и инструкторов³⁹. Заявление ТАСС было передано Дежаном 12 сентября и содержало его личные комментарии по этому поводу: «Остается сомнение по поводу характера вооружений, поставляемых на Кубу, — обычные или ядерные?»⁴⁰ В заявлении ТАСС повторялась угроза нанести ядерный удар по США в случае их нападения на Кубу. Дежан писал впоследствии, что это заявление было признаком решимости СССР разместить ракеты на Кубе⁴¹.

В другой телеграмме Дежан сообщал, что советское правительство проявляет нервозность в отношении выступлений в США по поводу усиления потоков грузов, направлявшихся из СССР на Кубу. Он обратил внимание на то, что в «Правде» заместитель редактора этой газеты Н.Н.Иноземцев опубликовал

3 октября статью, направленную против «тех, кто пытается оживить доктрину Монро», т. е. закрепить за США монопольное господство в Западном полушарии. Он также передал в Париж, что советская пресса озабочена тем, что «Пентагон начал вербовать кубинских контрреволюционеров и вливать их в американские вооруженные силы». По его словам, эта мера рассматривалась как «входящая в рамки приготовлений к агрессии против Кубы»⁴².

14 октября американский самолет У-2 обнаружил на Кубе в районе Кристобалья строящиеся площадки для советских ракет. 16 октября об этом доложили Дж.Кеннеди, и начались заседания высшего американского руководства, вошедшего в состав Исполкома Совета национальной безопасности, специально образованного президентом США для обсуждения вопроса о мерах по разрешению возникшего кризиса. 22 октября Кеннеди выступил по радио и телевидению с обращением к нации о том, что на Кубе находятся советские ракеты и что в связи с этим им отдан приказ о введении морской блокады, которую президент назвал карантинном⁴³. Для советского руководства это заявление было неожиданностью, так как в Москве были уверены, что операция «Анадырь» проведена в полной тайне. На следующий день советское правительство ответило резкой нотой, заявив, что в случае агрессивных действий США СССР ответит отпором⁴⁴. 25 октября Дежан телеграфировал, что «до сих пор советская общественность не ознакомлена с текстом заявления, сделанного 22 октября президентом Кеннеди, кроме очень краткой информации в самых общих выражениях», напечатанной в «Известиях». Посол отмечал, что «7 пунктов, в которых президент США определяет свою линию поведения, даже не упомянуты». «Население СССР, — подчеркивал он, — не имеет представления ни о радикальном характере и размахе мер, предпринятых американской стороной, ни о дополнительных мерах, еще более тяжелых, которые могут последовать»⁴⁵. Заявление СССР было предельно жестким, и вызывает удивление мнение французского посла, что, «несмотря на суровость суждений и резкость формулировок, использованных советским правительством, заявление демонстрирует благоразумие, продиктованное стремлением избежать военного столкновения с США»⁴⁶.

Спустя два дня военный атташе французского посольства в Москве генерал де ла Рюэлле телеграфировал в Париж о выступлении министра обороны маршала Р.Я.Малиновского перед политработниками Советской армии. В этой речи, по словам французского генерала, маршал говорил о «непобедимости СССР благодаря наличию у него противоракетного оружия и ракет дальнего радиуса действия, которыми ликвидируется понятие географической неуязвимости». Представитель Франции подвергал сомнению заявление Малиновского о том, что сооружение ракет среднего радиуса действия на Кубе призвано компенсировать «некоторый недостаток советской системы межконтинентальных баллистических ракет». По мнению военного атташе, заявление советского министра обороны «усиливает впечатление, что эти базы представляют собой политический рычаг с точки зрения выгодного для СССР торга»⁴⁷. Тогда и впоследствии эта тема широко обсуждалась, ибо многие политики и ученые полагали, что размещение советских ракет на Кубе было вызвано не только и даже не столько желанием защитить Кубу от нападения США, сколько стратегическими соображениями, связанными со стремлением СССР добиться равновесия сил⁴⁸. На приеме у румынского

военного атташе Малиновский сказал де ла Рюэллю, что в кубинском деле «все зависело от США, тогда как Советский Союз занимал оборонительную позицию». «Он добавил с улыбкой удовлетворения, — сообщал де ла Рюэль, — что Куба — это маленький кинжал в американском животе». А на вопрос, «не думает ли он, что было бы желательно извлечь этот кинжал для того, чтобы избежать катастрофы», маршал ответил, что «в течение длительного времени СССР существует в окружении американских баз в Турции и Иране» и что «все зависит от американцев»⁴⁹.

Хотя Франция не участвовала в переговорах по урегулированию Кубинского кризиса, французская дипломатия, и в частности посол в Москве, проявляла большую активность в попытках разузнать о ходе переговоров между Москвой и Вашингтоном. «Из надежных источников», по словам Дежана, он собирал «свидетельства о развитии Кубинского кризиса». Послу стало известно, что советский поверенный в делах в Лондоне нанес 25 октября визит лорду Хьюму и выразил «озабоченность советского правительства» реакцией Америки. «Форин Офис высказался в самых энергичных выражениях по поводу действий СССР на Кубе, отказав в поддержке советской стороне»⁵⁰. Дежан связывал этот визит советского дипломата в Форин Офис с отправленным на следующий день 26 октября посланием Хрущева⁵¹. «Первое письмо, в котором он заявил о намерении вывести с Кубы вооружения и специалистов, остается до сих пор в секрете, — писал Дежан. — Это письмо было встречено Вашингтоном с большим облегчением. С этого момента советское правительство решило демонтировать баллистическое и ядерное вооружение на Кубе». «Тем временем, в субботу 27 октября, — продолжал Дежан, — глава правительства СССР послал президенту США другое письмо, которое он передал в американское посольство в 17 часов и которое было сразу же опубликовано»⁵². В нем он предложил демонтировать советские установки на Кубе в обмен на ликвидацию американских баз в Турции. «Это письмо, — отмечал посол, — вызвало растерянность и раздражение в Вашингтоне, который действительно намеревался напасть на Кубу с целью уничтожения пусковых баз и соответствующих механизмов. Все же Вашингтон ограничился тем, что в категорических выражениях дал знать Москве, что сооружения на Кубе должны быть демонтированы и вывезены». Как писал французский дипломат, «в ответе президента Кеннеди от 28 октября сделан намек на первое письмо Хрущева от 26 октября, остающееся пока в секрете»⁵³. Что же касается послания от 27 октября, в котором, по ошибочному утверждению Дежана, предлагалась «неприемлемая сделка Куба—Турция»⁵⁴, то Кеннеди его формально как бы игнорировал, хотя на самом деле сделал шаг навстречу советским предложениям⁵⁵. Французский дипломат считал, что «столь срочная посылка второго письма во второй половине дня в субботу [27 октября], когда советское правительство уже приняло решение уйти с Кубы, без сомнения соответствовала намерению поставить все точки над *i*, чтобы подойти позднее к вопросу об американских базах»⁵⁶.

В уже упоминавшейся аналитической записке, составленной по свежим следам Кубинского кризиса, Дежан пришел к выводу, что «берлинский вопрос, возможно, играл главную роль» в решении разместить ракеты на Кубе «как средство давления» СССР на Запад. Следует отметить, что вопрос о Берлине обычно увязывался в международной политике того времени с кубинской

проблемой. Провал операции по установке ракет означал, по мнению французского дипломата, крушение политики, направленной на урегулирование берлинской проблемы в пользу СССР. Основным же результатом кризиса Дежан видел в том, что Советскому Союзу не удалось добиться расширения границ социалистического лагеря⁵⁷.

Следует отметить, что телеграммы и депеши Дежана из Москвы были весьма важной частью информации, которую Париж получал в ходе Кубинского кризиса и на основе которой определял свою позицию. Президент де Голль и министр иностранных дел Кув де Мюрвилль внимательно наблюдали за развитием событий. Хотя Франция не обещала США своей безоговорочной поддержки, она была солидарна с американским руководством в необходимости вывоза советских ракет с Кубы⁵⁸.

22 ноября 1963 г. в Далласе был убит президент США Кеннеди. В умах многих людей это убийство связывалось с его поведением во время Кубинского кризиса, попытками урегулирования отношений с СССР мирным путем. Описывая реакцию в СССР на убийство Кеннеди, Дежан в специально составленной по этому поводу депеше отмечал: «Смерть Кеннеди вызвала [в СССР] волну эмоций, спонтанного выражения симпатий. Посольство США получает множество телеграмм, телефонных звонков, отражающих сочувствие простых людей»⁵⁹. Анализируя эволюцию отношений Хрущева с Кеннеди в этом же документе, Дежан вспоминал, что первая встреча Хрущева с его молодым партнером в Вене происходила под впечатлением недавней высадки американцев (апрель 1961 г.) на Пляя Хирон. Хрущев считал тогда нового президента «человеком слабым и нерешительным». По мнению Дежана, «ошибка в оценке характера американского президента была, возможно, главным фактором, который привел главу правительства СССР к решению об установке на Кубе советских ракет»⁶⁰.

Сообщения Дежана из Москвы представляли собой важную информацию, которую французское правительство использовало для определения своей позиции в международных делах. За восьмилетний срок пребывания на посту посла в СССР Дежан приобрел репутацию одного из самых уважаемых и компетентных дипломатов, верой и правдой служивших интересам Франции. Его карьера оборвалась внезапно в результате тщательно спланированной и продолжавшейся несколько лет операции советской контрразведки, которая ставила целью скомпрометировать военно-воздушного атташе Франции Луи Жибо и самого Дежана, используя для этого «ласточек» — молодых женщин, находившихся на службе КГБ. После самоубийства Жибо, которому были предъявлены компрометирующие его фотографии, принимавший участие в операции офицер КГБ Ю.В.Кротков во время туристической поездки в Англию 2 сентября 1963 г. попросил политического убежища. Таким образом об операции стало известно французскому правительству. Дежан был отозван в феврале 1964 г. Вся эта история не помешала ему вскоре вернуться в Москву в качестве президента одного из советско-французских предприятий⁶¹.

Умер Дежан в январе 1982 г.

¹ *Annuaire Diplomatique et consulaire de la République Française pour 1962*. Vol. LXII (далее — AD). Paris, 1962. Следует заметить, что изучение личности Дежана затруднено тем, что часть его архива — переписка, биографические материалы — хранятся в Архиве МИД Франции в специальной серии личных, или частных фондов, называемой также «Бумаги агентов» «*Les papiers des agents*». В основном в эту серию выделены фонды чиновников, занимавших высокие дипломатические или государственные посты. Согласно путеводителю по Архиву насчитывается 310 фондов такого рода, 21 из них впервые был открыт для исследователей в 1965 г. Срок секретности личных фондов от 30 до 60 лет, а для документов биографического характера — 120 лет (*Les archives du Ministère des relations extérieures depuis les origines. Histoire et guide*. Paris, 1985. P. 153). Бумаги Дежана за период, когда он возглавлял посольство Франции в Чехословакии (1945—1949), имеют в этой серии код 288 (*Ibid.* P. 175); код 289 имеют бумаги, относящиеся к «московскому» периоду деятельности дипломата (*Ibid.* P. 175).

² *Шарль де Голль*. Военные мемуары. Призыв. 1940—1942 годы. Т. 1. М., 1957. С. 193.

³ AD, 1962.

⁴ *Ш. де Голль*. Военные мемуары. Т. 1. Документы. С. 746.

⁵ Телеграмма представителя Свободной Франции в СССР Роже Гарро Национальному Комитету в Лондон. Куйбышев, 24 июня 1942 г. (*Ш. де Голль*. Военные мемуары. Т. 1. С. 665).

⁶ Советско-французские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1983. Т. 1. С. 51.

⁷ *Ш. де Голль*. Военные мемуары. Т. 2. М., 1960. С. 45.

⁸ AD, 1962.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Bortoli G. Une si longue bienveillance: Les Française et l'URSS. 1944—1991*. Paris. P. 18—19.

¹² Советско-французские отношения в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 208—210.

¹³ AD, 1962.

¹⁴ Couve de Murville M. *Une politique étrangère. 1958—1967*. S. a. P. 161.

¹⁵ Н.С.Хрущев был смещен со своих постов в октябре 1964 г.

¹⁶ В 1994 и 1995 гг. в течение двух месяцев мне довелось работать в Архиве Министерства иностранных дел Франции под руководством академика А.А.Фурсенко над материалами по истории Кубинского ракетного кризиса 1962 г. В 1993 г. истек срок секретности этих документов, и они стали доступны для исследовательской работы. Мне посчастливилось стать одной из первых, получивших к ним доступ. В то время они еще не были должным образом систематизированы, многие досье формировались заново в большой спешке, без нумерации листов собранных в них документов, находившихся ранее в делах различных департаментов МИД в зависимости от их делопроизводственной принадлежности. По этой причине ссылки на документы из Архива МИД Франции (*Les Archives du Ministère des Affaires étrangères*, далее — АМАЕ) приводятся без указания листа архивного дела. В случае когда указывается шифр, состоящий из обозначенных через тире трех цифр, первая цифра означает номер серии (*série*), вторая — раздела серии (*sous-série*), третья — номер тома (*volume*).

¹⁷ Записка Дежана «*Relations soviético-cubaines (1959—1962)*». 26.11.1962. 44 p. (АМАЕ. 27—5—2 Cuba).

¹⁸ Дежан—МИД. 19.07.1960. № 2852/55 (АМАЕ. 27—5—2 Cuba). Здесь и в дальнейшем, кроме оговоренных случаев, цитируются дешифровки телеграмм, направленных из Москвы в МИД Франции.

¹⁹ Дежан—МИД. 23.10.1962. № 4504—4507 (АМАЕ. 36—23 URSS).

²⁰ Дежан—МИД. 27.11.1960. № 4402—4404 (АМАЕ. 27—5—2 Cuba).

²¹ *Ibid.*

²² Дежан—МИД. 3.01.1961. № 26 (АМАЕ. 27—5—2 Cuba).

²³ Альфан—МИД. 18.01.1961. № 167 (АМАЕ. 4—2—3 Cuba).

²⁴ Дежан—МИД. 5.01.1961. № 75 (АМАЕ. 4—2—3 Cuba).

- ²⁵ Дежан—МИД 23.03.1962, № 4504—4507.
- ²⁶ Дежан—МИД 24.04.1961, № 2105—2118 (АМАЕ, 4—2—3 Cuba).
- ²⁷ Дежан—МИД 13.02.1962, № 713 (АМАЕ, 27—5—2 Cuba).
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Правда. 1962. 20 февраля.
- ³⁰ Правда. 1962. 26 февраля.
- ³¹ Дежан—МИД 26.02.1962, № 942—947 (АМАЕ, 21—2—3 Cuba).
- ³² Фурсенко А.А. Кубинский ракетный кризис 1962 г. // Американский ежегодник 1992. М., 1993. С. 186—190; Грибков А.И. Карибский кризис // Военно-исторический журнал. № 10, 11. 1992.
- ³³ Дежан—МИД 28.06.1962, № 3244—3245 (36—25—5 URSS).
- ³⁴ Алексеев А.И. Карибский кризис. Как это было // Эхо планеты. 1988. Ноябрь № 33.
- ³⁵ Дежан—МИД 28.06.1962, № 2344—3245 (36—25—5 URSS).
- ³⁶ Дежан—МИД 12.09.1962, № 3816/22 (36—23—5 URSS).
- ³⁷ Дежан—МИД 5.09.1962, № 3712/13 (36—23—5 URSS).
- ³⁸ Vaisse M. Une hirondelle ne fait pas le printemps. La France et la crise de Cuba // L'Europe et la crise de Cuba. Paris, 1993. P. 99—100.
- ³⁹ Известия. 1962. 11 сентября.
- ⁴⁰ Дежан—МИД 12.09.1962, № 3816/22 (36—23—5 URSS).
- ⁴¹ Записка Дежана «Relations soviético-cubaines (1959—1962)» 26.11.1962.
- ⁴² Дежан—МИД 3.10.1962, № 4187/89 (36—23—5 URSS).
- ⁴³ Documents on American Foreign Relations 1962 /Ed. by R.S.Stebbins. New York 1963. P. 374—380.
- ⁴⁴ Известия. 1962. 23 октября; Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год. М., 1963. С. 399—405. Подробнее см. Фурсенко А.А. Кубинский ракетный кризис 1962 г. С. 186—190.
- ⁴⁵ Дежан—МИД 25.10.1962, № 4540—4541 (АМАЕ, 4—2—3 Cuba).
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Де ла Рюэль—МИД 26.10.1962, № 926/S (АМАЕ, 4—2—3 Cuba).
- ⁴⁸ Фурсенко А.А. Кубинский ракетный кризис 1962 г. С. 182.
- ⁴⁹ Де ла Рюэль—МИД 26.10.1962, № 926/S (Cuba. 4—2—3).
- ⁵⁰ Дежан—МИД 30.10.1962, № 6615—4615 (АМАЕ, 4—2—3 Cuba).
- ⁵¹ Текст см.: Международная жизнь. 1992. Спец. выпуск. С. 22—31.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 38—41.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Устная сделка по этому поводу состоялась, и соглашение было выполнено американской стороной, которая информировала СССР в апреле 1963 г., что ракеты из Турции вывезены (см.: Dobrynin A. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. New York, 1995. P. 87—90).
- ⁵⁶ Дежан—МИД 30.10.1962, № 4615/4618 (АМАЕ, 4—2—3 Cuba).
- ⁵⁷ Записка Дежана «Relations soviético-cubaines (1959—1962)» 26.11.1962.
- ⁵⁸ Vaisse M. La France et la crise de Cuba. P. 99—100.
- ⁵⁹ Деша Дежана 5.12.1963, № 1842 (АМАЕ, 9—7—1 Etats—Unis).
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Подробнее см.: Bortoli G. Une si longue bienveillance. P.99—109; Баррон Дж. КГБ. Работа советских секретных агентов. Тель-Авив, 1988. С. 166—186.

